

Почти трое суток непрерывной скачки, почти без сна и отдыха. Стук копыт раздробил пыль на бесконечных трактах и нарушил тишину пустошей. Когда наконец из сумерек, словно притаившийся исполинский зверь, выросли массивные, покрытые налетом веков стены Чэньлю, Цзян И резко натянул поводья. Его верный конь издал протяжное ржание, выдохнул облако густого пара и, обессиленный, остановился. Сюй Шу и Си Чжицай последовали за ним. Все трое были покрыты дорожной пылью, их одежда пропиталась потом и грязью настолько, что стало трудно разобрать её настоящий цвет. Губы потрескались, глаза налились кровью, а лошади едва держались на ногах от изнеможения.

— Впереди... это Чэньлю, — хрипло произнес Сюй Шу. Он провел рукой по лицу, оставляя на коже грязные разводы, и с сомнением посмотрел на Цзян И: — Брат Цзян, ты уверен, что госпожа Цай здесь? Чэньлю — крупный округ, но сейчас... — он бросил взгляд на дорогу, где заметно прибавилось спешащих, испуганных путников и повозок, — похоже, здесь не лучшее место для задержки.

Цзян И не сводил глаз с далеких стен, сердце тяжело колотилось в груди. На самом деле он не был уверен, лишь полагался на смутные исторические ориентиры: Цай Юн после помилования возвращался из Шофана, а Чэньлю, будучи воротами в столичный округ и важнейшим транспортным узлом, был обязательной точкой на его пути. Раз Цай Янь отправилась встречать отца, они вполне могли встретиться здесь. Он глубоко вздохнул, подавляя тревогу, и ответил с непоколебимой твердостью:

— Господин Цай Боцзе держит путь с севера на юг, Чэньлю — неизбежный этап и место для отдыха. Если Янь-эр... если госпожа Цай уже встретила отца, они наверняка остановились здесь. Если же нет, нам все равно нужно здесь разузнать новости, ожидая их прибытия.

Он намеренно назвал её Янь-эр, но тут же поправился, скрывая внутреннее смятение.

— Кхе-кхе... кхе... — раздался рядом надрывный кашель Си Чжицая. Он сторбился, лицо его было бледным, как бумага, и он едва не вывалился из седла. Сюй Шу поспешно поддержал его. Переведа дух, Си Чжицай слабо проговорил: — Как бы то ни было, сначала войдем в город... найдем приют, а там решим. Боюсь, мое тело больше не выдержит ночевки под открытым небом.

Его состояние стало еще хуже, чем при отъезде из Инчуаня: долгий путь окончательно подорвал его и без того слабое здоровье. Собрав остатки сил, трое путников двинулись к городским воротам Чэньлю.

В отличие от Инчуаня с его книжной атмосферой и предчувствием надвигающейся войны, Чэньлю демонстрировал странный, почти безумный «расцвет» в духе последних дней. Высокие ворота были распахнуты, стражи стало заметно больше, досмотры проводились строже, а глаза солдат с подозрением оглядывали каждого входящего. Но внутри города жизнь бурлила: лавки стояли плотными рядами, крики торговцев и шум повозок не утихали, в винных лавках и чайных яблоку негде было упасть — казалось, будто катастрофа, обрушившаяся на столицу, была лишь далекой легендой.

Однако при ближайшем рассмотрении под этой пышной оболочкой скрывались бурные течения. На улицах появилось множество бегущих от беды вельмож в дорогах, но помятых одеждах, окруженных слугами. Гостиницы были переполнены, цены взлетели в несколько раз, а хозяева встречали постояльцев лишь нетерпеливыми окриками. В разговорах прохожих то и дело всплывали имена Дун Чжо, разговоры о низложении императора, войсках Силянских войск и бегстве. В темных переулках мелькали тени подозрительных бродяг и крепких парней, а воздух был пропитан напряжением и тревогой, словно перед великой бурей.

Троице с трудом удалось найти в западной части города скромную гостиницу с парой свободных комнат, цена за которые оказалась шокирующей. Разместив изможденных лошадей и почти потерявшего сознание Си Чжицая, Цзян И тут же спустился вниз, чтобы расспросить вечно занятого мальчишку-слугу.

— Любезный, хочу спросить об одном человеке. Не слышал ли ты, не проезжал ли через Чэньлю или не останавливался ли здесь прославленный на весь мир господин Цай Юн, господин Чжунлан? — Цзян И старался говорить как можно спокойнее.

Слуга, занятый раздачей вина новым гостям, даже не поднял головы и нетерпеливо махнул рукой:

— Господин Чжунлан? Не слышал! Не слышал! В последние дни в город валом валят господа и дамы из столицы, цены на комнаты взлетели до небес! Кому есть дело до того, кто там какой Чжунлан!

Он мельком взглянул на Цзян И, заметив его простую, запыленную одежду, и добавил с издевкой:

— Господин, если ищете кого, идите к ямынь, посмотрите на доску объявлений. Наша лачуга только для ночлега, а не для поисков людей!

Сердце Цзян И ушло в пятки. Грубость слуги выдала ключевой факт: Цай Юн и его дочь не привлекли к себе внимания в Чэньлю. Либо они еще не доехали, либо, прибыв, вели себя крайне тихо. Но последнее казалось маловероятным. Неужели история дала сбой? Цай Юн проехал мимо Чэньлю? А Цай Янь... Он не смел развивать эту мысль.

— Благодарю, — Цзян И подавил разочарование, выдал из себя вежливое слово и поднялся в номер. Каждый шаг казался тяжелым и холодным, словно он шел по тонкому льду.

Ночь была глубокой и темной. Чэньлю, шумевший весь день, не умолк окончательно: вдалеке изредка раздавались удары колотушек ночного дозора и лай собак. Цзян И лежал на жестких досках кровати, но сон не шел. Оконная решетка разрезала холодный лунный свет на куски, которые ложились на пол, словно осколки серебряной фольги. Дела в Инчуане были разрушены интригами негодяев, огни Зала Благодеяния (Цзижэньтан) словно все еще мерцали перед глазами, но оставались недостижимыми. Судьба Цай Янь была неизвестна, путь впереди лежал в тумане, а тень Дун Чжо, подобно чудовищу, накрыла весь Север. Глубокое чувство

бессилия и неопределенность будущего, как ледяная волна, грозили поглотить его.

Он встал, накинул халат, тихо приоткрыл дверь и вышел в небольшой внутренний дворик. Холодный ночной воздух взбодрил его. Глядя на бескрайний Млечный Путь, он перебирал в уме имена и события, ставшие столь привычными в другом времени: низложение императора Дун Чжо, пожар в Лояне, поход коалиции, борьба героев... Сможет ли он, маленькая бабочка, вызвать настоящий шторм?

— Брат Цзян тоже... не спит? — раздался за спиной слабый, знакомый голос. Си Чжицай, накинув тонкий старый халат, опираясь на дверной косяк, вышел во двор. В лунном свете он казался призраком.

— Брат Чжицай! — Цзян И поспешил к нему. — Ночь холодная, роса выпала, зачем ты вышел? Иди скорее отдыхать!

Си Чжицай покачал головой, позволяя усадить себя на каменную скамью. Его снова сотряс приступ кашля, худые плечи дрожали.

— Кхе... ничего. Моя болезнь уже неизлечима, больше я полежу или меньше — разницы... кхе... никакой. А вот брат Цзян, судя по твоему лицу, сильно озабочен будущим? Если... если не удастся найти госпожу Цай...

Цзян И помолчал, глядя на яркие звезды, и в его голове созрела четкая мысль. Он твердо произнес:

— Брат Чжицай, если найдем госпожу Цай, мы вместе покинем это место. А если нет... я все равно собираюсь уехать из Чэньлю. В одно место.

— О? Куда же? — Си Чжицай поднял уставшие веки.

— Чаншань, — два слова прозвучали негромко, но с необычайной решимостью.

— Чаншань? — Си Чжицай нахмурился, в его глазах читалось изумление. — Округ Чаншань в Цзичжоу? Брат Цзян, там еще не утихли остатки Желтых повязок, повсюду разбойники, а в горах Хэйшань засел Чжан Янь. Это беспокойное время, там крайне опасно! Зачем тебе идти в такое гиблое место?

— Именно поэтому я туда и иду! — взгляд Цзян И стал острым. Он понизил голос и наклонился к Си Чжицаю: — Я слышал, что в уезде Чжэньдин округа Чаншань есть юный герой по имени Чжао Юнь, второе имя — Цзылун! У него храбрости хоть отбавляй, боевые искусства — высший класс, он способен сражаться против десяти тысяч! А что еще важнее — он предан, честен и исполнен милосердия! Говорят, ради защиты соседей он в одиночку, с одним копьём, сразился с сотней разбойников Желтых повязок и не проиграл! Если нам удастся привлечь такого

героя...

В его словах сквозило нетерпение. Чжао Юнь, будущий непобедимый генерал Шу, был именно тем человеком, в ком он нуждался больше всего! С такой силой он сможет защитить тех, кто ему дорог, и воплотить свои замыслы в этом хаотичном мире.

— Чжао Юнь? Чжао Цзылун? — Си Чжицай прошептал это имя, его сомнения лишь усилились. — Прошу прощения за мое невежество, но я действительно не слышал этого имени. В округе Чаншань я знаю многих глав влиятельных семей и атаманов бродяг, но такого не припомню. Брат Цзян... откуда эта весть? Насколько она достоверна?

Как стратег, он был крайне чувствителен к точности информации. Цзян И понял, что сболтнул лишнее. Чжао Юнь еще не прославился, и его слова прозвучали внезапно. Он лихорадочно соображал, как выкрутиться:

— Это... это рассказали купцы, которые проходили через Цзичжоу в Инчуань. На них напали разбойники, и их спас юноша в белых одеждах с серебряным копьем, назвавшийся Чжао Цзылуном из Чаншаня. Купцы были настолько впечатлены его доблестью, что описали всё в ярких красках: как он сражался словно дракон, как в одиночку обратил разбойников в бегство. Я... запомнил это, такие люди не должны оставаться в тени!

Си Чжицай, глядя на серьезное лицо Цзян И, хотя и сомневался (слова купцов часто бывают преувеличены), не стал больше допытываться. Он вздохнул и посмотрел в глубокое ночное небо:

— В смутные времена герои рождаются часто — то в глуши, то среди простого люда. Если всё так, как ты говоришь, и этот юноша действительно доблестен и благороден, он был бы ценным приобретением. Но... кхе-кхе... поиски людей требуют обдуманности. Чаншань... путь туда не из легких.

Они еще долго беседовали под холодным светом луны, обсуждая риски путешествия, опасения по поводу политики Дун Чжо и мрачные прогнозы для Поднебесной. Лишь когда утренняя роса пропитала их одежду и холод стал пробираться до костей, а кашель Си Чжицай усилился, Цзян И помог ему вернуться в комнату.

На следующее утро Цзян И проснулся от шума на улице. Сердце тревожно екнуло, он вскочил и распахнул окно. По улице проходил отряд стражников в блестящих доспехах, конвоируя нескольких оборванных и избитых заключенных. Тяжелые кандалы скрежетали по камням. Толпа зевак указывала пальцами, обсуждая происходящее с лицами, на которых смешались страх, любопытство и тупое злорадство.

— Что происходит? — крикнул Цзян И мальчишке-слуге, который набирал воду внизу.

Слуга поднял голову, его лицо выражало возбуждение, свойственное простолюдину,

обсуждающему великие дела:

— Эй! Господин, вы разве не знаете? Поймали остатки Желтых повязок! Говорят, прорвались с севера! Но это еще что! — он понизил голос, приблизился к окну и зашептал таинственно: — В столице настоящий переворот! Великий генерал Хэ Цзинь был убит этими безъязцевыми евнухами! Юань Шао и Юань Шу ворвались во дворец с войсками и перебили всех евнухов до единого! Кровь рекой лилась! А теперь и вовсе дела плохи: Дун Чжо из Силяна со своими волками-солдатами вошел в Лоян и взял под контроль двор! Говорят... он даже императора сменил! Ох, времена настали... — он покачал головой, в его голосе слышались привычка к хаосу и страх перед силой.

Цзян И словно ударило тяжелым молотом. Колесо истории проехало по нему, не промахнувшись ни на йоту! Хэ Цзинь мертв, евнухи казнены, Дун Чжо в Лояне, император смещен! Это означало лишь одно: Цай Юн уже на прицеле у приспешников Дун Чжо! А положение Цай Янь...

— Брат Юаньчжи! Брат Чжицай! — Цзян И резко обернулся, его голос был полон тревоги. — В столице переворот! Дун Чжо совершил низложение! Мы должны немедленно найти госпожу Цай! Промедление смерти подобно!

Он начал лихорадочно собирать вещи. Сюй Шу и Си Чжицай, проснувшись от криков, побледнели, услышав новости. Трое быстро собрались, готовые, даже если придется искать иголку в стоге сена, прочесать весь Чэньлю в поисках следов Цай Янь.

В этот момент раздался скрип: дверь их убогой комнаты приоткрылась, толкнутая изящной, но испачканной в дорожной пыли рукой.

На пороге показалась знакомая фигура.

Это была Цай Янь!

Её скромное платье было в пыли и грязи, прическа растрепалась, пряди волос прилипли к влажному от пота лбу. Лицо было бледным как полотно, а в глазах, обычно чистых, как вода, сейчас застыли ужас, усталость и глубокое отчаяние. Она опиралась на дверной косяк, тело её дрожало, готовое в любой момент рухнуть. Увидев в комнате Цзян И, её потускневшие глаза на мгновение вспыхнули слабым светом, словно утопающий ухватился за последнюю соломинку.

— Господин... господин Цзян! — голос Цай Янь дрожал от слёз. Она, спотыкаясь, ввалилась в комнату, едва удерживаясь на ногах.

— Госпожа Цай! — Цзян И бросился к ней, подхватывая её слабеющее тело. От неё веяло холодом. Сюй Шу и Си Чжицай тоже окружили её, полные шока и сочувствия.

— Уходите... господин Цзян, уходите отсюда... — Цай Янь вцепилась в его рукав, её ногти впивались в ткань, словно за её спиной гнались хищные звери. — Дун Чжо... приспешники Дун Чжо повсюду... они хватают прославленных ученых... заставляют их служить при дворе... мой отец... мой отец... — слёзы хлынули из её глаз, катясь по бледным щекам. — ...его силой забрали!

Хотя он ожидал этого, услышать жестокую правду было невыносимо. Он усадил Цай Янь, налил теплой воды и вложил в её озябшие руки:

— Янь-эр, не спеши, рассказывай по порядку. Что случилось? Где сейчас господин Цай? Как тебе удалось сбежать? — он впервые в порыве чувств назвал её по имени.

Цай Янь грела руки о чашку, её тело все еще подрагивало. Она всхлипывала:

— Мы с отцом... встретились на почтовой станции в двадцати ли, к югу от Чэньлю... хотели... хотели вместе вернуться в столицу... но едва устроились в городе... как пришли вести о том, что Дун Чжо низложил юного императора и возвел на престол князя Чэньлю (Лю Се, будущий император Сянь-ди)... Отец был в ярости... он знал, что Дун Чжо жесток и не остановится ни перед чем... хотел... хотел увезти меня в Цзяндун, подальше от этого места... — в её глазах читался ужас. — Но... не успели мы уехать... вчера вечером... отряд силянских всадников под знаменами Дун Чжо... ворвался в наш двор... предводитель... держал в руках указ Дун Чжо... сказал, что господин Дун... жаждет талантов... и просит отца во дворец... занять должность... жертвенного вина...

— Отец... отец наотрез отказался... сказал, что стар и немощен... но те люди были подобны демонам... выхватили мечи... окружили нас... отец понял, что сопротивление бесполезно... и испугался... испугался, что меня тронут... — слёзы снова хлынули из её глаз. — ...он притворился, что согласен... а когда они потеряли бдительность... прошептал мне... чтобы я притворилась, будто у меня случился приступ... что я тяжело больна... и не могу ехать... Тот предводитель... увидев, как я бьюсь в конвульсиях... и у меня идет пена изо рта (Цай Янь с детства много читала и знала медицину, притвориться для неё было нетрудно)... и побрезговав возиться с больной... согласился оставить меня... приставил двух служанок «ухаживать»... а на деле... следить... отца... отца так... силой утащили...

Она рыдала, не в силах остановиться. Страх и беспомощность от разлуки с близким человеком едва не сломили её.

Цзян И слушал, и глаза его наливались кровью, кулаки сжались так, что побелели костяшки. Дун Чжо! Этот волк, терзающий Поднебесную! Он подавил гнев и твердо утешил её:

— Янь-эр, не бойся! Господину Цаю пока ничто не угрожает! Дун Чжо только захватил власть, ему нужны такие великие ученые, как господин Цай, чтобы украсить свое правление и успокоить умы. В первое время он будет оказывать ему почести, он не посмеет причинить ему вреда.

Это было суждение, основанное на истории, и единственное, что могло утешить Цай Янь в этот момент.

— Госпожа Цай, здесь опасно, те служанки могут донести, а приспешники Дун Чжо могут вернуться! — Сюй Шу осознал серьезность ситуации. — Мы должны немедленно покинуть Чэньлю!

— Куда? — спросил Си Чжицай, глядя на Цзян И.

Цзян И посмотрел на напуганную, жалко выглядящую Цай Янь, а затем на север. Чаншань, Чжао Юнь! Ему нужна была мощная военная поддержка, чтобы защитить близких в этом все более жестоком мире и изменить будущее! Он глубоко вздохнул и отрезал:

— В Чаншань!

— В Чаншань? — Цай Янь подняла заплаканные глаза, полные изумления. — Зачем туда? В Цзичжоу война, хаос...

— Искать героя, который сможет нас защитить! — Цзян И был краток и непреклонен. — А потом будем ждать перемен в Поднебесной! Янь-эр, ты согласна... поехать с нами?

Он смотрел на неё, в его глазах читался вопрос и обещание. Цай Янь видела его решительный, полный силы взгляд — словно луч света в бездне отчаяния. Отец в оковах, она сама одинока и беспомощна, путь впереди туманен... на кого еще она могла положиться, кроме этого человека, который не раз спасал её, а теперь появился в самый страшный час? Она почти не раздумывая сильно кивнула, и голос её, хоть и тихий, прозвучал четко:

— Я... я согласна поехать с господином Цзяном! На край света, не разлучаясь!

— Хорошо! — сердце Цзян И успокоилось. — Нельзя терять ни минуты! Брат Юаньчжи, прошу, купи сухой паек, воды и найми крепкую повозку с мулом! Брат Чжицай слаб, ему нельзя больше трястись в седле! Янь-эр тоже поедет в повозке. Собираемся, через час выходим из западных ворот! Избегаем главных дорог, едем только проселками!

Все разделились. Сюй Шу поспешил вниз, Си Чжицай, преодолевая слабость, собирал немногочисленные вещи, а Цзян И помогал Цай Янь привести себя в порядок и переодеться в простую одежду, чтобы скрыть её ослепительную красоту.

Через час старая повозка с синим тентом тихо выехала из западных ворот Чэньлю. Правил Сюй Шу, он низко надвинул шляпу, подозрительно оглядываясь по сторонам. Внутри, укутавшись в одеяло, полусонный лежал Си Чжицай. Цай Янь сидела рядом с Цзян И, лицо её все еще было бледным, но в глазах появилось доверие и надежда. Цзян И ехал верхом на кляче рядом с повозкой, внимательно осматривая поля и рощи.

На главных дорогах было много дозоров, атмосфера была напряженной. Они без колебаний свернули на заросшую травой, изрытую ямами проселочную дорогу. Колеса с грохотом перекатывались через камни. Заходящее солнце растягивало их тени, направляя их на неизвестный север.

Встреча в Чэньлю стала прологом к ночи похищения Цай Янь и навсегда изменила судьбу Цзян И и его спутников. Впереди их ждали пожары Цзичжоу, неизвестность Чаншаня и еще более опасные повороты судьбы. Цзян И крепче сжал рукоять меча (который Сюй Шу приготовил для него при отъезде из Инчуаня) и посмотрел на темнеющий горизонт. Чжао Юнь, Чжао Цзылун из Чаншаня — станет ли это серебряное копье, блиставшее в истории, первым камнем, с помощью которого он перевернет этот мир? Он не знал ответа, но знал одно: он должен идти вперед — ради тех, кто рядом, и ради своей мечты не быть марионеткой в руках судьбы. Повозка катилась вперед, неся надежды и тревоги, прочь от заката, навстречу сгущающимся сумеркам.

<http://bllate.org/book/18471/1771465>